

ВЪРОТЕРПИМОСТЬ

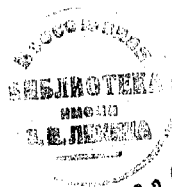
ВЪ РОССИИ.

К Р А К О В Ъ.

Изданіе и печать типографіи В. Л. Анчица и Ком.

1897.

32983-46.

82

I.

»Я состарился на службѣ по судебному вѣдомству, я, наконецъ, русскій и притомъ русскій до мозга костей и я говорю Вамъ: Ваше Высочайшее превосходительство, дѣлю, которое только что подъ моимъ предсѣдательствомъ закончилось и подъ живымъ впечатлѣніемъ котораго Вамъ пишу настоящія строки, именно потому, что я русскій, возмутило во мнѣ до глубины души національное чувство... Такъ писалъ русскому министру юстиціи старшій предсѣдатель виленской судебной палаты (нынѣ сенаторъ) Стадольскій, поддерживая хадатайство той же палаты о замѣнѣ каторжныхъ работъ обвиненнымъ по извѣстному дѣлу въ мѣстечкѣ Крожахъ, Ковенской губерніи, при насильственномъ закрытіи костела, — одногодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, въ виду особыхъ обстоятельствъ этого дѣла. Изъ содержанія письма Г. Стадольскаго, которое цѣликомъ приводится ниже, явствуетъ, что въ этомъ предсѣдатель палаты, который строго удерживалъ защитниковъ отъ заявленій на судѣ о жестокой расправѣ нагайками надъ бѣжавшими крестьянами и крестьянками, русское національное чувство было возмущено именно образомъ дѣйствій въ данномъ случаѣ мѣстныхъ властей.

Явленіе отрадное, не только по отношенію къ облегченію судьбы несчастныхъ избитыхъ и затѣмъ еще осужденныхъ, но и въ смыслѣ общественно-психологическаго показателя. Если вопиющее насиліе надъ религіознымъ чувствомъ и личными правами сотенъ людей способно было возмутить русское національное чувство въ лицѣ чиновника, уважающаго принципъ законности, но строго проводимаго вида «обрушій» при порученномъ ему введеніи новыхъ судебныхъ учреждений въ виленскомъ округѣ, то это можетъ служить довольно яркимъ доводомъ, что понятіе справедливости, чувство гуманности даже къ иноплеменикамъ и способность возмущаться поправленіемъ чужой святости, вовсе не исчезли въ русскомъ обществѣ до такой степени, какъ должно бы полагать, судя по такимъ газетамъ, какъ «Московскіе Вѣдомости», «Варшавскій Дневникъ», «Новое Преміа», «Свѣтъ» и т. п.

Если дѣйствіе мѣстныхъ властей въ Крожахъ возмутило національное чувство въ г. Стадольскомъ, то это даетъ основаніе полагать, что еслибы образованные, самостоятельно мыслящіе, незаинтересованные въ системѣ преслѣдованій вѣры и языка западной окраины, русскіе люди могли присмотрѣться вблизи не только къ тому, что дѣлалось въ Крожахъ, но и ко всему, что дѣлается въ томъ же направленіи во всемъ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, дѣлается на каждомъ шагѣ, возведено въ административную систему — то въ нихъ національное чувство былобы возмущено еще сильнѣе. Быть можетъ даже, они громко заговорили бы, что подобная система беззавѣтнаго чиновничьяго произвола, окутавшая жителей католическаго исповѣданія въ цѣлыхъ 19 губерніяхъ сѣтью нестерпимыхъ шikanъ и оскорбленій религіознаго чувства, несовмѣстна съ достоинствомъ рус-

скаго имени и не может быть дальше терпима, такъ какъ она является постыднымъ пятномъ, рѣзко отдѣляющимъ Россію отъ остальной Европы.

Только такое предположеніе и побудило насъ взяться за перо, чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ вопросъ о религіозной «вѣротерпимости» на западной окраинѣ русскаго государства. Мы можемъ рассчитывать на вниманіе только русскихъ людей мыслящихъ самостоятельно, но конечно не тѣхъ, которые поселятъ съ взглядами, заимствованными изъ изданій, торгующихъ въ Россіи завѣдомою ложью, подъ прикрытіемъ націонализма, совершенно такъ, какъ за границей есть изданія торгующія порнографіею подъ названіемъ натурализма. Тѣ и другіе рассчитываютъ на низкіе, грубые инстинкты, свойственные человѣчеству: на страсть къ насилию, на самохвальство, зависть или похоть, ведущую къ разврату. Разъяснить истинное положеніе такимъ изданіямъ, которые торгуютъ ложью, потому что это имъ выгодно-наивно-тищетное предпріятіе. Въ Россіи, обновленной реформами Александра II, эта торжествующая ложь, нахальное утвержденіе, что бѣлое черно, а черное бѣло, была вновь насаждена приснопомытнымъ Катковымъ, который на этой лжи сдѣлалъ себѣ миллионное состояніе. Въ одной изъ его статей, написанныхъ по поводу польскаго востанія 1863 года, Катковъ открыто осудилъ примѣненіе въ политическихъ дѣлахъ правила, что «дважды два — четыре». И дѣйствительно, во всей своей послѣдующей дѣятельности этотъ талантливый, но безсовѣстный публицистъ обращался съ фактами совершенно произвольно, слѣдуя поговоркѣ, что бумага все терпитъ. Наиболѣе характернымъ представилось не то, что онъ вызывалъ къ самымъ строгимъ брамъ противъ Поляковъ,